

Дарья сидела на завалинке, привалившись спиной к нагретой солнцем стене дома, и высоко запрокинув голову, внимательно прислушивалась к улице. Не без удовольствия, плотнее прижимаясь к стене, подумала: «Знойным выдался nonешний денёк. Вечер уж на подходе, а вона до сих пор как палит».

– Витька, опять цыплят гоняешь, пострел! Ох и задам я тебе! – послышался сердитый голос снохи. – Сколь раз говорено – не гоняй!

На неподвижном лице Дарьи промелькнуло подобие улыбки: «Витька – младший внучок. Говорят, будто в её, кашинскую, породу вышел. А и взглянуть бы на него самой, определить, так ли? Да где там. Когда он народился, свет уж мерк в глазах. Только и различала людей, словно тени движутся».

Издали донеслось громкое мычание и резкие, частые хлопки пастушьего кнута. «Вот и кормилицы домой поспешают, – её мысли текли неторопливо, спокойно. – Наполнились за день молочком, торопятся опростаться. Травы в этом годе, слава те господи, говорят, уродились, хватает коровкам. Да и как по-иному, сколь уж дождей прошло прогромыхало».

В лицо ударило горячей волной, пахнувшей пылью и парным молоком, и улица наполнилась нетерпеливой разногласицей большого стада.

– Пашка, открывай ворота! – опять послышался голос снохи. – Да вицу-то возьми для овец. Не то опять прокараулите – пробегут мимо двора!

– Не пробегут! – уверенно заявил старший из внуков. – Мы их с Мишкой уже караулим.

Скоро во дворе заблеяли овцы и заполошно закудахтали потревоженные ими куры. «Не упустили, ну и ладно, – порадовалась за внуков Дарья. – Сколь себя помню, завсегда так было – из стада по дворам ребятишки скотину загоняют».

Звякнул подойник – это сноха Нюра пристраивалась к корове. Дарья услышала, как тугие струйки со звоном ударяют о его стенки. Опять подумалось: «А сколь же её руки вот так вот дёргали за дойки – не посчитать! Да и зачем? Дело то обычное – бабье».

У ворот послышалось лёгкое шуршание. «Иван возвращается с работы, – догадалась Дарья. – Всё, как парень, на велосипеде ездит. А в наше-то время птицей пролетит по улице казак, словно слитый с конём, или ж, наоборот, не торопясь, тихим шагом едет, спина прямая, грудь – колесом, голова запрокинута, папаха на самом затылке. Любо-дорого и поглядеть! А счас вот велосипеды – смех один».

– Здорово, мать! – Иван присел около неё. Вкусно запахло молодым сеном и машинной мастеровской. Сенокосной порой уже не первый год, как ставили его на скирдовку стогов. Люди говаривали, что мастером он стал по этому делу: так стог вершил, что лучше и не надо! – День-то сегодня прямо пекло! Дышать нечем. А тут ещё, как на грех, стогомёт сломался, пришлось повозиться с ним: механики-то счас нарасхват.

– Я то и чую, шибает от тебя машиной-то. А пекло – ништо! Пушай погрееет! Намёрзнетесь ишо зимушкой-то.

– Ты, смотрю, пригелась у стенки.

– Да, моё дело стариковское – где тепло, там и хорошо.

– Может, в дом пойдёшь?

– Посижу маленько, а ты иди. Устал поди?

Дарья дотронулась до плеча сына:

– Иди ужинай.

– А ты?

– Успею.

Иван, помедлив, закурил. «Как отец, – подумала Дарья. – Тот, бывало, как присядет где передохнуть – тут же «козью ножку» в рот, а то и трубку. Несколько трубок было у Степана. Любил он их менять. Степан, Стёпушка. Ванька-то обличьем изо всех сынов больше других похож на него. Весь Бельтюков. Только нрав в ём не отцовский. Стёпушка поспокойнее был, порассудительней...»

Докурив, сын поднялся.

– Ну, я пойду тогда. Позовёшь, как насидишься.

– Иди-иди, отдыхай! Я посижу. В доме, поди, уж душно сделалось, а здесь посвежее, скоро будет дышать полегче. Посижу.

– Стёпка, – послышалось совсем близко, – ты куда запропастился?

Это соседка Дуся звала сына – погодка их Пашки.

Опять подумалось: «Пашку её глазоньки ещё успели увидеть. И понянькаться с ним успела, и с Мишенькой – средним внуком, тоже чуток понянькалась».

– Стёпка! – опять раздалось громкое и сердитое, – быстро домой!

Дарья повернулась на соседкин голос, смахнула лёгонькой ладонью что-то невидимое с лица, усмехнулась: «Стёпка. Лучше и не было для неё имени. А ведь жизнь у них могла сложиться совсем по-иному, если бы не её, Дарьяна, отчаянная упрямость. И как это она смогла тогда так поперечить отцу? Самой до сих пор непонятно...»

Он гнал лошадь наёмом, ничего не замечая вокруг. Гнал, не думая о том, что, возможно, уже опоздал, вернее, отказывался в это верить: «Как же так вышло-то, ведь обещалась. Правда, смехом, играючи, но ясно ж было, что согласна. И срок назначила с ответом – сразу, как отсеются. И что ж?» Мысли путались, обрывались и ускользали так же стремительно, как несущиеся навстречу ещё сквозные берёзовые колки да чуть тронутые зеленоватой дымкой придорожные заросли тальника. Пригнувшись в седле, стиснув зубы, Степан летел навстречу своей судьбе.

Приехавший в полдень на пахоту младший брат, Иван, выставя на дерюжку снедь, весело сообщал последнюю новость:

– Мимо кашинского двора как проезжал, видел, подкатил к ним тарантас. А рысак так и гарцует, так и гарцует на месте! Красив, чертяка, и силен! Гляжу, а в тарантасе двое казаков да баба из ненашенских. И все нарядные, как на праздник будто. А один, что моложавее, слышь, Стёпка, как раз тот, которого ты на скачках обошёл. Помнишь?»

Степан остолбенел.

– Не попутал ты чего?

– Да не, я его крепко запомнил. Ох, и злился он тогда! Так и стрелял зыркалами-то в твою сторону, так и стрелял во всё время после скачки.

– А чего это они во время пахоты в гости шастают? – вмешался в разговор отец. – Не время так-то?

– Да, соседка-то кашинская, бабка Плешивчиха, про сватов будто кричала. Я шибко-то не разобрал, к вам торопился.

Как было не помнить Степану того верзилу из Кособродской, который, видно по всему, не без умысла не раз уж заговаривал с Дашей на общих станичных праздниках. Прошлой осенью на кадрили её звал и крутился вокруг ужом. Степан наблюдал издали, не смея мешать, но кровь сильно шибанула тогда в голову, а сердце заходило от люттой ревности. Потому и вышел на скачках противу кособродских, увидев того казака в команде. И похвалу от стариков, и первый приз взял заслуженно. Пусть видит Дарья, кто тут истый казак!

Не говоря больше ни слова, Степан, мигом выпряг гнедого и, метнувшись на его хребтину, поскакал в

Кабанку. Влетев на широкую улицу, даже не подумав попридержав коня: так и гнал, пригнувшись к холке, словно на боевых манёврах, под удивлённые взгляды встречных, и опомнился, когда конь, дабы не врезаться в ворота кашинского дома, шарахнулся в сторону и поднялся на дыбы.

Вмиг оказавшись на подворье, он столкнулся с зарёванной Дуняшкой, младшей Дашиной сестрой.

– Стёпка, – испуганно замахала та руками, – заполошный, уйди, Христа ради! Не до тебя ей сейчас!

У Степана враз перехватило дыхание.

– Где она? – не узнавая своего голоса, только и мог выдать.

– Воет на повети, что уж ей тепери, – звенящим от волнения голосом выговаривала Дуня.

– Воет? – опешил Степан, – а сваты где ж?

– Уехали уж не солоно хлебавши.

– Почто? Да толком сказывай, не реви!

Разгорячённый мозг парня отказывался что-либо понимать.

– Да, отказала Дашутка! Наотрез! Только жених фуражку-то вниз донышком на стол поклат, она её в руки, да на вешалку, а сама из горницы бегом. Ослушалась тятенку. Вона, бушует тепери, прямо страх как!

Степан, начиная чуть трезветь, услышал, как в доме что-то с грохотом валится на пол, и подвигания Настасьи Степановны вперемешку с громовыми раскатами Дашиного отца:

– В монастырь сошлю сучку! Так припозорить на всю станицу! Ить, совсем совесть поистеряла – наперёд отца родного выскочила!

– Отец, да угомонись ты за-ради Христа, – жалобно запрочитала Настасья Степановна, – може, ишо и сладится как-то.

И тотчас осеклась и глухо охнула от увесистой мужниной оплеухи:

– Эт ты, потворщица, позволяешь ей чего не след! Срамница, кобыла, выкормил себе на позор! Отец родной ей уж не указ! В прислуги отдам, к войсковому атаману! Пушай его детям сопли утирает, если своих рожать не хочет, халда!

Мать, тихонько всхлипывая, уже не пыталась заступаться за дочь. Степан рванул дверь.

– Эт ишо откель взялся?! – рявкнул на внезапно появившегося в дверях парня Пётр Николаевич. – Чего тебе?

Бельтюкова Стёпку, Дашиного годка, с которым та ещё недавно лепила из глины пирожки на берегу Кабанки, он и в мыслях не держал как партию для дочери.

Степан повалился ему в ноги:

– Отдай за меня Дашу, дядька Петро! Никто, кроме её, мне не нужон. Жить без неё не могу!

По щекам молодого казака текли слёзы.

– Да, эт из-за тебя, штоль, она отказную написала Василью? – сражённей догадкой и оттого вновь приходя в ярость, рыкнул отец. – Вона, как ларчик-то просто открывался! А я, старый дурень, уразуметь не мог, чем эт ей такой справный казак не угодил?

И, повернувшись к двери, продолжал греметь:

– Дунька, где ты там? Зови сюда срамницу!

Степан поднялся с колен и, понурился, стоял, ощущая противную дрожь в коленах да бешеные удары сердца в груди. «Господи, помоги, не оставь, Господи!» – только и шло на ум.

В сенях слышались быстрые шаги, и вслед за этим он почувствовал, как подле него остановилась Даша... Дашенька.

– Чего молчишь? Сказывай, когда схомуталась со Степкой! – не стеснял себя в выражениях Пётр Николаевич.

Даша выпрямилась, сразу став чуть не на голову выше стоявшего рядом Степана, и гневно взглянула на отца:

– За него пойду, и ни за кого более, хочь изруби на мелкие кусочки, хочь насмерть запори!

И, выдерживая бешеную ярость отцовского взгляда, не отвела горящих глаз своих, не опустила долу. Мать и младшая сестра ни живы ни мертвы наблюдали за их поединком.

И то ли ощутив, что не в силах превозмочь непокорную твёрдость дочери, отчего на миг растерялся, то ли желая её наказать, но вдруг, неожиданно для всех, Пётр Николаевич словно шашкой наотмашь махнул:

– А и отдам за ентогo недоростка, штоб не срамила родителей, мерзавка!

Мать громко охнула из угла:

– Да ты что, отец, опаматовайся: красавицу нашу – за Стёпку?!

Но тот уже закусил удила:

– А ништо. Он шустрый – допрыгнет! А она всю жисть, штобы его углядеть, будет кланяться – вот спесь-то с неё и сойдёт!

И, посмотрев на молодого казака, пророкотал:

– Хошь Дашку – к вечеру штоб сваты были!

Как мчался Степан обратно, он не помнил: всё как в бреду, как во сне, как не с ним. Вдруг переживает горячий Дашин отец? Вдруг согласие дал не в уме, а в буйстве прибывая, а отойдёт – и сыграет отходную?..

Пётр Ильич поджидал сына у края пахоты. Приняв коня и внимательно взглянув, понял, что тот не в себе.

– Тятенька, домой надьть скоро, сватов к Даше...

– Так... Стало быть, поперёк всех обычаев полез.

А што ж тот-то жених, аль не по нраву Кашиным пришёлся? Должно быть со справной семьи казак, с достатком.

– Отказала ему Даша, не похотела за его.

– Как эт так «отказала»? Сама? А отец что ж?

– Люует, чего ж ишо! И тихо, но твёрдо добавил: – Тятенька, люба она мне. Аж не знаю, как словами то выразить, люба!

– Да ты погоди с любовью-то своей! А что как и тебе откажет? Она девка с норовом! Вишь ты, раз уж супротив отца не убоялась, сперечила...

– Не откажет она, верно знаю! Так отцу и сказала. Только поспешать надо: кабы он не передумал поостыв.

– Ну, коль так дело повертается... – отец уже веселее поглядывал на сына. – Правда, метил я тебя ишо годок необъезженным жеребчиком подержать, но уж коль припёрло – давай собирайся!

Скоро доехав до дома, Петр Ильич с порога спросил, готова ли баня. Затем не мешкая распорядился Ивану седлать коня до атамана Уткина. На недоуменный взгляд супружницы ответил, что тот в сватовстве горазд и поможет в случае чего уломать Петра Николаевича.

– Да како сватовство-то? – пыталась вконец потерявшаяся Ксения Алексеевна.

– А вона – Стёпкино, припёрло враз! Доставай, мать, чекмень парадный, сам с имя сватать пойду.

– Дак, каво сватать-то?

– Кашинскую Дашку.

Посмотрев на сына, поправился:

– Дарью, стало быть. Пока опеть не увели.

И озорно подмигнул сыну.

Тот, находясь в нервной горячке, по всему видно, соображал туго и подвоха отца не понял.

К Кашиным собрались уже в потёмках. Степан, торопивший родителя, не находил себе места, но Пётр Ильич, несмотря на заверения сына, что Даша согласна, решил подготовиться основательно, чтоб сраму не вышло, как с первым женихом. Потому к выбору сватов подошёл с умом. Успели скатать в Кумляк, за тамошним атаманом Иваном Гавриловичем Уткиным. Он приходился двоюродником братьям Бельтюковым и был давним приятелем Петра Николаевича Кашина. А сам Пётр Ильич отправился к Чупахиным, кровным родичам Кашиных: Любовь Николаевна Чупахина, в девичестве Кашина, доводилась родной тёткой Дарье по отцу. Выслушав его просьбу быть сватами Степана, она завозражала было:

– Как-то не по обычаю, Пётр Ильич. Мы же сродственники невесты – и её ж сватать идём.

– На то и расчёт, что не откажет вам Петро, уж больно буйный он нынче и не совсем в себе. Слышали поди, что у них сотворилося.

Несмотря на начавшуюся пахоту, о том, что произошло у Кашиных, знала вся Кабанка. Но тут Петра Ильича поддержал хозяин дома, Михаил Чупахин. Будучи в том же чине урядника, что и Дашин отец, он имел в его глазах вес и мог говорить на равных.

– А ить вправду, Николавна, чего б не пойти? Помочь надо Степану. Росточком он маненько подкачал для Дарьи, а так – казак, нечего сказать! Словом, мал золотник, да дорог! Наряжайся, поможем парню и племяннице, коли так.

К дому Кашиных их сопровождала любопытная толпа. В горнице, уже прибранной после недавнего погрома, был накрыт стол – их ожидали, и это немного успокоило Степана. Прошли и чинно уселись под матицей, чем сразу определили цель прихода. Увидев сватов, Пётр Николаевич немало подивился, но быстро оценил находчивость Бельтюковых, подумал: «Вёрткий они народец, умеют

мозгами раскинуть в нужную сторону». Но вынести второй раз за день полагающийся обряд сватовства был уже не в силах. Всё это повторённое, заученное, обязательное в таких случаях – «у вас товар, у нас купец», – звучало для него горькой издёвкой. Потому, круша старинные обычаи, он, к немалому удивлению всех, начал первым:

– Знамо, зачем пожаловали, гостюшки. Был уж сегодня у меня просильщик за Дашку.

При этом он недобро зыркнул в сторону Степана. Щёки парня мгновенно запылали, а будущий тесть продолжал:

– Милости прошу к столу. Не взыщите – откушайте что бог послал.

Видя такой оборот дела, сваты не перечили и быстро расселись за обильный стол. Но крутым кляпком клокотавшая обида на дочь прожигала Петра Николаевича насквозь, не давая, как подобает в подобных случаях, отцу невесты пристойно, со степенным достоинством держать себя. Уже поднимали первую чарку, когда тётка Люба, стараясь соблюсти хоть какой-то порядок, недовольно спросила:

– Невеста-то где? Пошто на погляд не выходит?

– А чего её глядеть? – отрезал Пётр Николаевич, – разглядел уж кто надо! И опять нехорошо полоснул глазами в сторону Степана.

Перехватив его взгляд, поднялся из-за стола Пётр Ильич:

– Ну, разглядел, не разглядел – эт их дело молодое, а нас со сватами уважьте, пригласите свою королевишну.

Даша ожидала в соседней комнате. Услышав, не замедлила, вышла, поклонилась гостям и, чувствуя на себе тяжёлый отцовский взгляд, высоко взметнула непокорную головку. Рослая, статная, с точёным, как у восточной красавицы, лицом, она и с зарёванными глазами была хороша! В комнате повисла тишина. Все невольно залюбовались не столько красотой, сколько врождённым гордым величием юной казачки, тем, что нельзя приобрести или воспитать, а можно лишь иметь, переданное по крови от далёких бабок-горянок, чувствовать в себе и естественным образом нести.

«Этого ишо недоставало! Бесстыжая, опеть без отца призыва выпрыгнула к этому недоростку!» Внутри у Петра Николаевича всё так и ходило ходуном. Дерзкая выходка дочери хлестанула в самое сердце, туманя разум.

– Венчаться на Троицу!

– Дак как же на Троицу?

Предложенное явно смутило отца жениха. Стараясь сдерживать себя, он мягко возразил:

– Не по обычаям будет, Пётр Николаевич. Может, как оно ведётся: жнивы взрастим, засыплем урожай в закрома, а по первому снежку – всем мирком да за свадебку?!

– А чего ждать? – уязвлённое самолюбие Петра Николаевича искало выход. – Им же невтерпёж, у них же всё по-своему, наперекор отцу! Вот пусть как похотела не по-людски, так и будет!

Хорошо зная крутой кашинский нор, понятиливо крикнул дружок, а теперь сват Иван. И молча, дабы не накалять страсти, кивнул, соглашаясь, будущий сват.

Провожая гостей в тёмных сенях, Настасья Степановна, уже примирённая с неизбежным, шепнула свату:

– Не тревожься, Пётр Ильич, время ишо есть. А мой, сам знаешь, горяч, да отходчив – несусветицу по обиде несёт. Отойдёт малость – уломаем свадьбу по снежку сыграть. Чай не ворог он дочери своей.

Свадьбу играли на Крещение. Дарья помнила, что на улице всё так и трещало от мороза, а она ни за что не хотела кутать себя в овчинный тулуп, недостойный её свадебного наряда. К тому времени поостывший, но так до конца и не смирённый, отец не утерпел, влез со своими советами:

– По старине, в косоклинном сарафане на венчание баскее было б. Не услыша ответа, съязвил: – Да без высокого венка штоб. Может, так-то женишок до невестинной подмышки и достанет.

Но дружно заершившаяся женская половина семьи во главе с тёткой Любой даже слушать о подобном не пожелала. У казачек, на городской манер, в моду только-только входили платья и парочки – юбка с приталенной кофтой навывпуск, потому твёрдо вознамерились нарядить свою красавицу по-новомодному, на удивление всем. За тяжёлым кремовым атласом с набивным рисунком не поленились скатать в дорогу Троицкую мануфактуру, и тётка Люба собственноручно сшила из него для племянницы подвенечный наряд: юбку, отделанную по подолу прошивками с кружевными оборками, и такую же кофту – с перламутровыми пуговицами по переду и пышными пыжами на рукавах. И к свадебным саням, украшенным лентами, застеленным пёстрыми домоткаными дорожками, шла Даша в новенькой мерлушковой шубке, крытой голубой китайкой, опушённой по низу и вороту котиком – подарком свёкра со свекровью.

А после венца, под весёлый перезвон бубенцов и разудалое наигрывание гармошки, мчались они по широкой поселковой улице, оба, как в угарном тумане, и Степан, крепко обнимая, всё шептал и шептал на ухо: «Моя, моя!» И невозможно разобрать – то ли от быстрого бега коней, то ли от жаркого шёпота мельничьего кружит её прекрасную головку, украшенную кисейной фатой с белыми восковыми цветами, дурашливо выпущенную на волю младшим братом Даниилом – поручителем с её стороны.

Свадьбу гуляли неделю. Пётр Ильич, будучи человеком покладистым, всё-таки держал малую обиду на Кашиных за смятое сватовство и решил не ударить лицом в грязь, показать всем, и в первую очередь свату Петру, что не за последнего из казаков отдал тот дочь, не поскупился для своего первенца. Да и почётных гостей набралось немало: сам станичный атаман с супругой оказали честь и Бельтюковым, и Кашиным, приехали и гуляли.